

ТАКЕ ИТ ЕАSY или ХРОНИКИ
ЛЫСОГО АРХИТЕКТОРА

АЛЕКСАНДР ШТЕЙНБЕРГ
ЕЛЕНА МИЩЕНКО

БЕСПАСПОРТНЫХ БРОДЯГ ПРОСЯТ НА КАЗНЬ

КНИГА 8

Эта серия книг посвящается архитекторам и художникам — шестидесятникам.

Удивительные приключения главного героя, его путешествия, встречи с крупнейшими архитекторами Украины, России, Франции, Японии, США. Тяготы эмиграции и проблемы русской комьюнити Филадельфии. Жизнь архитектурно-художественной общественности Украины 60-80х годов и Филадельфии 90-2000х годов. Личные проблемы и творческие порывы, зачастую веселые и смешные, а иногда грустные, как сама жизнь. Архитектурные конкурсы на Украине и в Америке. Книгу украшают многочисленные смешные рисунки и оптимизм авторов.

Серия состоит из 15 книг, связанных общими героями и общим сюжетом.

Иллюстрации Александра Штейнберга.

**Александр Штейнберг
Елена Мищенко
БЕСПАСПОРТНЫХ БРОДЯГ
ПРОСЯТ НА КАЗНЬ**

*Боже, какими мы
были наивными,
Как же мы молоды
были тогда.*

М. Матусовский

ОПЯТЬ «STEP BY STEP»

Двадцать второй exit (выезд) на expressway был долгим и довольно запутанным. Мы ехали по старым рельсовым путям вдоль бесконечной вереницы одно- и двухэтажных домиков. Моя супруга Леночка сказала, что наш Норд-Ист похож на деревню, в которой вдоль улиц вплотную припаркованы иномарки. Такой, собственно, является вся Америка за исключением городских центров с грандиозными небоскребами. Как было при Ильфе и Петрове в тридцатых, так оно осталось

до наших дней. Наконец появились большие указатели и плавная кривая вывела нас на highway.

Я включил радио. Длинные волны — 1050. В салон вливается «Stranger in the night». Это единственная станция, которую еще можно слушать. Станция Фрэнка Синатры. Весь остальной эфир забит ВИА, группами, воем, рэпом и дребезжанием. 95-я дорога. Highway. Шесть полос. Ни светофоров, ни пересечений. Такая дорога плюс приятная музыка настраивает на воспоминания. Мысли возвращаются к «Лысому». Как много мы написали о себе и как мало о приятелях. Нужно написать о них и еще о многом. Но трудно начать. Чтобы войти второй раз в ту же реку, нужен толчок. Толчок пришел на днях совершенно неожиданно.

Нас посетила наша американская приятельница. Когда я начал делиться с ней нашими планами, она сказала: «Fortune favours the bald». — Это у них, у американцев, такая пословица.

— Удача покровительствует лысым, — лихо перевел я.

— Yes, yes, — закивала она, не поняв ни слова.

И до меня доехало, что нужно приниматься за «Лысого-2». Когда пришла моя супруга, я рассказал ей об этом вещем пожелании, а в ответ услышал:

— Это у тебя эйфория от слабого знания языка. Не «bald», а «bold», хотя произносится почти одинаково. А спелается (пардон — пишется) это так: *fortune favours the bold*, что означает «Удача покровительствует смелым».

Но было уже поздно, я сел за компьютер...

Почему американская приятельница? Да просто потому, что мы живем в Америке, в Филадельфии. Это удивительный город — первая столица Соединенных Штатов. Здесь была подписана первая Декларация о независимости Штатов от Британской империи, принята первая Конституция Соединенных Штатов, проведен первый Конгресс США, изготовлен первый флаг США. В общем — все первое. Здесь находится Колокол свободы. Правда, он немного треснул и не звонит, но даже одним, слегка подпорченным видом, вселяет дух гордости в американцев. И все эти дела и крупные события происходили в самом центре Филадельфии на площади Независимости — Independence Square. Центр Филадельфии уютно расположился между излучинами двух рек — Делавер и Скулкилс. Он полинеен улочками, как тетрадь в клеточку для арифметики, и застроен домами в стиле позднего неоклассицизма и модерна (прошу прощения — это все издержки архитектурного образования лысого).

С набережной реки Скулкилс открывается замечательный вид на стоящее на горе ампирное здание Museum of Art — нашего чудесного музея искусств с великолепной коллекцией живописи и скульптуры. Перед ним сейчас стоит огромный десятиметровый стальной паук — скульптурное произведение мадам Луиз Буржуа, вызывая омерзение всех любующихся этим прекрасным видом. Но что поделаешь — искусство требует жертв. Таково представление этой творческой дамы о прекрасном. Правда, его не разделяют дети, которых привели на встречу с искусством. Они бегут от него с ужасом. Взрослые тоже полны неприязни. Но постоял же этот паук в Санкт-Петербурге перед Эрмитажем и в Торонто перед музеем искусств, а чем мы хуже других?

Поборов в себе омерзение и обогнув здание музея, мы можем выйти к Парквею — одной из красивейших улиц-бульваров Филадельфии.

Тут мы будем вынуждены отвлечься. Дело в том, что у нас нет уверенности, что всем нашим дорогим читателям повезло, то-есть удалось познакомиться с первым томом «Take it easy или Хроники лысого архитектора», и, в связи с этим, мы решили повторить кое-какие объяснения.

Почему «Take it easy»? Над нашим рабочим столом висит перспектива — вид на Крещатик со стороны тогдашней площади Сталина, виртуозно

выполненная акварелью блестящим архитектором — академиком Георгием Павловичем Гольцем в 1945 году, когда проводился конкурс на восстановление центра Киева. На этой перспективе изображены могучие пропилеи и огромная башня на Думской площади. Американцы, разглядывая эту перспективу, удивленно спрашивают:

— Неужели это Киев? О, это очень старинный город. Он даже чем-то похож на Флоренцию. Вот эта башня напоминает Палаццо Веккио.

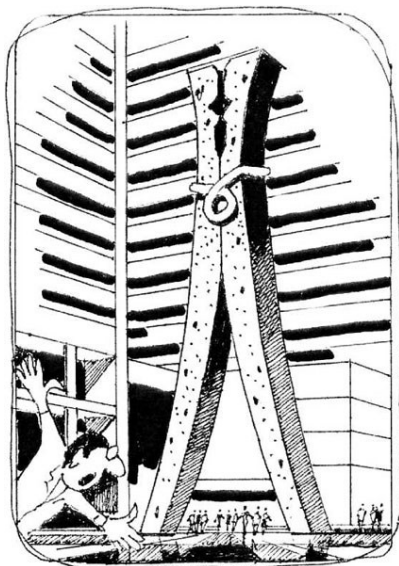
— Киев даже старше Флоренции, — отвечаем мы и ударяемся в воспоминания о нашем родном городе, перебивая друг друга. Воспоминания вызывают бурю эмоций. Американцы повторяют «Take it easy!» — спокойнее, не переживайте. И мы, поскольку нашему лысому герою придется заниматься воспоминаниями, взяли это за основу.

— Почему лысому? При чем здесь прическа? — воскликнет возмущенный читатель.

— Take it easy, дорогой читатель. Во-первых, лысина намекает на определенный возраст, что уже дает право на некоторые воспоминания. Во-вторых, в известной старой шутке «кем лучше быть: лысым или дураком?» отвечают «дураком, это не так заметно». Так что лысина дает основания предположить, что наш герой не лишен определенных умственных способностей.

Разобравшись с названием, продолжим нашу прогулку по Парквею. Этот бульвар насыщен различными интересными зданиями, скульптурами, фонтанами. Среди них фонтан работы знаменитого скульптора Кольдера, представителя многочисленного семейства скульпторов Кольдеров. Вокруг фонтана на скамейках обосновались homeless (бездомные) со своим походным скарбом, который набит в тележки, украденные из супермаркета, и источает сомнительный аромат. Парквей выходит к «сердцу города» к Сити-Холлу. На площади перед Сити-Холлом поражают воображение два скульптурных памятника. Огромная 12-метровая прищепка, созданная, очевидно, как памятник малому постирочному бизнесу, процветавшему еще во времена, предшествующие появлению сушильных машин, когда труженники laundry пользовались прищепками, развешивая белье на веревках.

Вторая скульптура состоит из четырех очень больших металлических букв «L», «O», «V», «E», то-есть «love». Она олицетворяет давно устоявшуюся традиционную истину, что Филадельфия — это город братской любви. Правда, эту братскую любовь разные филадельфийцы реализуют по-разному. В 2007 году было убито около 400 наших любимых сограждан их же соотечественниками. В среднем отстрел филадельфийцев производился по одному в день. И действительно, как не пострелять, если пистолеты продаются в многочисленных магазинах. Наш губернатор предложил ввести закон,

ограничивающий продажу стволов — не более одного в месяц на человека. Сенат нашего штата был возмущен этим предложением, так грубо нарушающим принципы американской свободы. И действительно, как бы мы с супругой могли защищаться, имея всего 24 пистолета? Таки очень скромно. Единственное, что успокаивает, это то, что на следующий год мы сможем пополнить свой арсенал. Кстати, как показывает хроника событий, как это ни странно, почти никто не применял оружие для защиты. Только для нападения.

Для удобства тех, кто занимается этим увлекательным делом — отстрелом сограждан, в 90-е годы сразу после нашего приезда в центре города была построена тюрьма на углу 6-й улицы и Arch Street рядом со зданием суда. Выбирая площадку для строительства, не очень советовались с архитекторами. Какой смысл — этим чудакам вечно что-то не нравится. Поэтому наш следующий мэр вообще не приглашал архитекторов и градостроителей на свой совет, а утверждал проекты сам. И действительно, при чем тут градостроительство, когда нужно было обеспечить комфорт любителям острых ощущений и уличной перестрелки, чтобы их случайно не укачало при перевозке из тюрьмы в суд и обратно. А так все рядом — можно пройтись пешочком по свежему воздуху.

Вот как раз в этом направлении, в направлении нового оригинального здания тюрьмы, выстроенного в стиле мавзолеев позднего Рима с узкими окнами и стальными столбами перед входами, мы и движемся по Маркет стрит — центральной улице города. На углу 9-й опять скульптура, и опять оригинальная. Это огромный брус, поломанный пополам, так что из него торчат щепки. Интересно, что и сам брус и щепки отлиты в металле для долговечности. Но ничто в мире недолговечно. Брус знаменует собой вход в основной супермаркет города «Gallery», над которым уже нависла угроза. В его просторных залах должны открыть казино в надежде хоть как-то заштопать миллиардную дыру в пятилетнем бюджете города. Зайдем же в величественную «Gallery», пока она еще жива.

Что же мы видим? Опять ту же картину, которую мы описали в первом «Лысом». Юный филadelphиец пытается подняться на второй этаж по эскалатору, который движется вниз. То его останавливают встречные, то он набирает обороты и почти достигает верха, но остановившись, опять оказывается внизу. И у нас снова возникает аналог с нашими хрониками, так как память — очень интересная штука: то она уходит в далекие времена, то возвращает ко вчерашнему дню.

Мы хотим сказать: «Катайся, молодой человек, пробирайся против течения, устремляйся вверх по вниз бегущей лестнице, преодолевай встречное течение и все невзгоды. Именно этим тебе придется заниматься в жизни. А здесь развлекаться тебе осталось недолго — не пустят тебя в казино, не пройдешь по возрасту, хотя именно в этом твое преимущество».

И я двигаюсь по эскалатору памяти...

Но тут я возвращаюсь к реальности, прибавляю скорость, так как мы уже опаздываем, и я увеличиваю громкость приемника. Фрэнк Синатра начинает новую песню: «If I can make it there, I gonna make it anywhere» (Если я могу это сделать там, то смогу это сделать везде). Эта песня как раз для эмигрантов-оптимистов. Так, наверное, рассуждали и Иегуди Менухин, и Леонард Бернстайн, и Марк Шагал, и Ээро Сааринен, да мало ли кто. Ведь великую науку и великое искусство Америки делали эмигранты.

А мы, грешные, пробираемся по этой лестнице — эскалатору нашей памяти, пробираемся против течения, делая различные остановки. Если бы мы знали, что нас ждет впереди, что в 2000-м году появятся два новых президента — Буш и Путин, что это будет год, который с ужасом будут ждать все владельцы компьютерных систем, нанимая армии программистов на случай

глобального сбоя. Но сбой так и не наступит. Зато начнутся вещи похуже. Трагедия International Trade Center, волна терроризма, война в Ираке...

А я двигаюсь все выше и выше. Отметка 2008. Как писал поэт «Октябрь уж наступил...». И он действительно наступил — страшный октябрь — начало всемирного экономического кризиса. Пошел обвал, подобный старой голландской забаве с домино, когда выстраиваются огромные конструкции и путем нажатия одной костяшки последовательно рушатся все эти сооружения. Директора банков и крупнейших предприятий стоят с протянутой рукой, слезно взывая к правительствам с просьбой о помощи, не забывая в то же время выписывать себе многомиллионные бонусы.

Цифры, обозначающие суммы денег, становятся какими-то малореальными. Долг нашего государства уже исчисляется многими триллионами. На табло «U. S. National Debt Clock», установленном фирмой «Darst Organization» в центре Нью-Йорка, показывающем эту цифру, уже не хватает клеток. Цифра перескочила десять с половиной триллионов. Она уже состоит из 14 знаков. Табло закрывают на реконструкцию. А кто реконструирует всю эту пошатнувшуюся финансовую систему?

Вообще отношение к цифрам, обозначающим суммы денег, становится каким-то непривычным для обычных граждан. Звездам шоу-бизнеса и спортсменам платят чудовищные гонорары в десятки и сотни миллионов долларов. Идет напряженная борьба за рекорды.

Актеру Джонни Деппу выписали гонорар 56,5 миллионов долларов. Рекорд. Ура!

Джоан Роулинг получила гонорар 300 миллионов долларов. Рекорд. Ура!

Леннокс Льюис готов вернуться на ринг за 100 миллионов долларов. Рекорд. Ура!

Растет благосостояние наших VIP граждан. Не обошла стороной эта компания и наших коллег — грешных старателей в области изобразительного искусства.

Здесь свои рекордсмены.

Да здравствуют прославленные аукционы Sothby's, Cristy и их скромные покупатели! Небольшой холст Малевича «Супрематическая композиция» продан на аукционе Sothby's за 60 миллионов долларов. Цена впечатляющая. Но здесь мастер изобразил уже не один черный квадрат, а несколько квадратиков и прямоугольников разных цветов. Тут уж ничего не скажешь. Ведь Малевич — это классик супрематизма. Абстрактное полотно Джексона Поллока, на которое он давил краски

прямо из тюбиков, не приходя в сознание, уходит за 140 миллионов долларов. Рекорд. Ура!

Количество непроданных работ покойных авангардистов значительно редет. Аукционам нужно раскручивать новых авторов. Искусствоведы стоят на старте. А тут как назло покончили с Советским Союзом и антисоветская тематика уже никого не привлекает. Но, слава Б-гу, еще не все потеряно — остались же воспоминания о коммунальной этнографии советских граждан, и живы еще люди, гонимые в свое время. Есть еще мастера, сидевшие в психушках, есть мастера, работы которых уничтожали бульдозерами. Ура! Началась новая волна рекордов. Абстракционизм и сюрреализм устарели, соцарт уже тоже не так привлекает. Да здравствует «романтический концептуализм» Кабакова. Да здравствует «тотальная инсталляция». Слова-то какие красивые.

Уже многомиллионные цены идут за инсталляции раскрученных концептуалистов. Мастерство уже мало кого волнует.

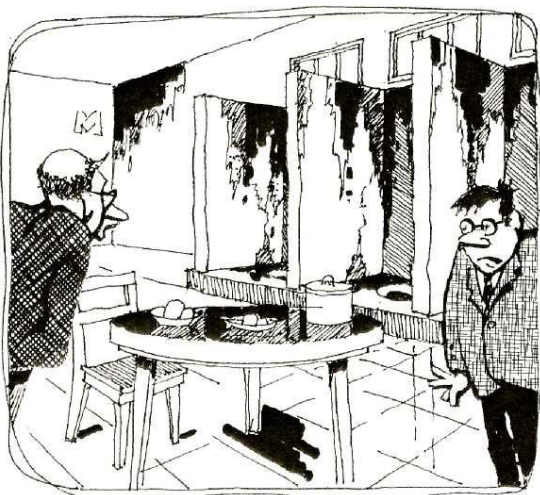
Да здравствуют идеи тотальных инсталляций. Посетителей крупных выставочных залов впечатляют две инсталляции Кабакова, особо отмеченные искусствоведами. «Туалет в углу» и просто «Туалет» (типа общественного сортира). Первая — это дверь в уборную в коммунальной квартире, из-за которой слышны звуки,

соответствующие этому помещению. Это произведение было подарено Эрмитажу, что несказанно обрадовало его высокочтимых искусствоведов, так как это была первая работа великого мастера Кабакова, приобретенная этим великолепным музеем, крупнейшим в мире.

Было бы несправедливо говорить, что мастер всегда увлекался только туалетной тематикой. Некоторые произведения были посвящены другим темам. Например «Лопата». Лопата прибита к доске, покрашенной зеленой краской, на которой прикреплены еще несколько страничек текста. Недоброжелатели злословили по поводу таких произведений мастера. Например Владимир Козлов в своей книге «Убить искусство» написал «Если у вас возникло желание войти в ряды великих художников, вы можете купить в магазине промтоваров грабли, мотыгу, вилы и смело направляться в выставочный зал». Но мы то с вами хорошо знаем, что недоброжелателей и завистников у великих в мире искусства всегда много. Владимир Козлов известный художник, он выставлялся в Лондоне, Токио, Сеуле, а такого крупного произведения он не понял. Дошло даже до того, что он не понял метафорической фигуративной инсталляции авангардиста Коваля, когда тот снял штаны и бегал привязанный на четвереньках вокруг

собачьей будки. Не только не понял, но даже осудил.

Но вернемся к более передовым инсталляциям концептуалистов, т. е к туалетной тематике. На инсталляции «Туалет», созданной великим Ильей Кабаковым совместно с племянницей Эмилией Кабаковой (она же жена, она же соавтор — так сказать модный семейный бизнес) и выставленной в Москве в Центре Современного Искусства, показана общественная уборная на три очка без дверей с зас..., пардон, замаранными стенами. Рядом с ними столик с салфеточками, венские стулья и диванчик. Это отзвук нашего «грязного» социалистического прошлого. Посетители в

восторге. Они с замиранием сердца любят мастерством имитации этих скромных и грязных предприятий коммунального хозяйства.

Но в таких инсталляциях есть своя опасность. Кто-то из посетителей может попробовать использовать это произведение по назначению. Служащих галереи много — они следят, чтобы посетители, совсем уже не воспринимающие высокое искусство, не попытались воспользоваться этими произведениями по их прямому назначению.

Здесь также следует отметить прозорливость мастера. Эти талантливые произведения ограничились жанром инсталляции. Он не стал идти дальше, как некоторые его современники, и не расширил эту тему, представив ее как инсталляцию с перформансом. В этом случае появились бы статисты, которые включились бы в инсталляцию: некоторые сев к столу, а некоторые усевшись в интимных кабинках — это бы выглядело, очевидно, несколько претенциозно.

Единственно, что смущает гостей Москвы, это то, что аналогичные инсталляции, созданные без помощи мастера, можно увидеть в их городах и селах сегодня, на всех железнодорожных станциях, во дворах, возле сельских клубов и домов культуры. Они тихонько говорят об этом экскурсоводу и слышат в ответ: «Но в ваших сортирах нету же стола со стульями и кушетки с подушками. В этом

и есть гениальная находка мастера». Теперь ясно, — а Поленов, Серов да Суриков учились, учились, а до этого додуматься не смогли. Слабаки. А то бросили бы кисти и мастихины, взяли бы за накидные гаечные ключи «попки» и кельмы и заработали бы свои миллионы. Не доросли. Единственное, что меня смущает — это недостаточно реалистическая передача природы. Если бы гениальный художник Кабаков не стоял бы в стареньком плащике с авоськой в руке, набитой старыми газетами, символизирующей тяжкую судьбу художников-шестидесятников и подтверждая тем самым глубокое проникновение в материал, а проехался бы на электричке до ближайших туалетов, то он бы заметил, что стены в них тщательно расписаны рисунками и стихами самого откровенного содержания. Конечно, не мне давать советы великому мастеру, но мне кажется, что такие стихи сделали бы его произведение еще богаче и дороже. Кстати за этим и ездить-то нет нужды. Взял бы, например, что-нибудь из произведений своего коллеги известного поэта и художника, стипендиата академии искусств Германии, лауреата Пушкинской премии фонда Тепфера Дмитрия Пригова. Например его бессмертные стихи (к сожалению автор их не бессмертен, и его уже нет с нами): «Проходил я вдоль Оби, думал: мать твою е...», или «Повсюду

летает молодое мясо, охочее до е... и». Правда многоточиями он не пользовался, очевидно он не был знаком с этими знаками препинания. Приблизительно такие стихи украшают привокзальные инсталляции, выполненные неизвестными мастерами. Можно было бы взять еще кое-что из «современной женской прозы», например, из рассказов известной писательницы Юлии Кисиной. Но по сравнению с Приговым это уж слишком фривольно, я бы побоялся приводить оттуда цитаты. Кстати нам привелось посмотреть телеинтервью с писателем и художником Приговым. Он сообщил, что написал уже 34000 стихотворений. Это один из случаев, противоречащих диалектическому материализму, когда количество не переходит в качество. Для поддержки своего многостороннего таланта он показал нам еще два перформанса, на одном он поедает жареную курицу (ест руками, жадно), на втором он достает из ведра окуня, целуется с ним и пеленает его в пипи-факс (наверное потом тоже съел). Хочется послать его назад «вдоль Оби». Но так рассуждают люди ограниченные, не чувствующие настоящего искусства, а вот Германская академия искусств его поняла.

Действительно, еще не понимают многие люди настоящих произведений. А искусство движется вперед. Я вспоминаю, что в 2003 году

престижную премию Тернера в известной галерее Тайт в Лондоне вручили трансвеститу Грейсену Перри за вазы с изображением секса с детьми. Хотя детей до 16 лет в галерею не пускали, да и взрослые смущались, но все-таки это было филигранное мастерство. На вручении премии блистал сам мастер, очаровывая публику роскошным дорогостоящим женским вечерним платьем.

Ну, эти времена давно прошли. Долой мастерство. Главное лаконичность. Прибил лопату к деревянной доске — вот тебе и инсталляция «Лопата». Еще пару листков бумаги, поясняющих, что это инсталляция, а не пожарный инвентарь. Простота — сестра таланта. Искусство рвется вперед гигантскими темпами — перед музеем огромный паук, в музее вместо картин грязные сортиры. Ура!

Нужно потратить еще много времени и сил, чтобы воспитать в людях понимание настоящих произведений искусства, настоящей красоты. А то некоторые вспоминают мальчика у Андерсена, крикнувшего «А король-то голый!». Но нету такого мальчика, а взрослые дяди — искусствоведы да академики молчат. Многие думают что это потому, что они боятся прослыть консерваторами. Ерунда! Не нужно злословить и завидовать. Просто, очевидно, они уже постигли глубину и силу произведений инсталляций на сортирные и бытовые

темы. Они знают, что является настоящим произведением искусства XXI века. Недаром же академик Пиотровский — директор Эрмитажа принял в подарок произведение Кабакова. Теперь Эрмитаж является обладателем самых великих произведений мастеров: «Мадонны Бенуа» и «Мадонны Литты» Леонардо да Винчи, «Данаи» и «Возвращения блудного сына» Рембрандта и «Туалета в углу» Ильи Кабакова.

Я рад за них за всех, за их оптимизм, за их глубокое понимание искусства, но, очевидно, придется сознаться, что я, к сожалению, неисправимый консерватор. Я не могу затаив дыхание с восторгом взирать на произведения натурально-сантехнической тематики. Мне почему-то не хочется так активно прорываться вперед, мне больше хочется остановиться где-нибудь в районе абстракционизма и сюрреализма, спуститься на моем эскалаторе памяти немножко назад, как говорится, поближе к светлому прошлому. Давай вернемся, дорогой читатель, к реальности, на нашу 95-ю дорогу к тому времени, когда еще работала радиостанция Фрэнка Синатры, когда люди не сидели по вечерам, уткнувшись покрасневшими глазами в огромные плазменные экраны, когда ездить было все-таки не так опасно, потому что телефон служил только для переговоров, а не был одновременно

фотоаппаратом, почтальоном, компьютером и вообще Б-г знает чем. Эскалатор медленно везет нас вниз. Где бы сделать остановку? Я смотрю по сторонам...

ЭКСПОЗИЦИЯ В «FORWARD»

— Что ты вертишь головой? — спрашивает Леночка. — Смотри на дорогу! Be careful! (Будь осторожен!) Скоро въезд в центр города.

Звучит Фрэнк Синатра, все еще заманчиво обещающий нам, что если у нас получалось там, то получится и везде, стало быть и здесь в Филадельфии («I gonna make it anywhere»). Ради этого мы и едем по 95-й дороге.

Я привык ездить по ней днем. Это широкий, многополосный, всегда загруженный highway, пересекающий чуть ли не половину Америки. Сейчас приходится ехать поздно вечером. Машин мало, и я позволяю себе отвлечься. А вот и долгожданные указатели. Правый ряд, правый поворот «Center City, City Hall». Это нам. Мы едем в самый большой книжный магазин «Forward».

На днях мне позвонили и предложили устроить персональную выставку в этом магазине. Беседовала с нами некая миссис Бани — менеджер по пиару. Разговор был необычным. Я привык, что в Америке договариваются насчет выставок долго и нудно не менее чем за три месяца, смотрят слайды работ, отбирают. Не любят, чтобы было слишком грустно: «Что вы все Бабий Яр да Холокост, а повеселее у вас ничего нет? Нет, конечно, я все понимаю. Я, между прочим, тоже еврей, но у нас народ, знаете, любит чтобы было повеселее. А что тут unusual? У нас народ любит unusual (необычное)». Потом заключают договор, в котором оговаривается insurance картин (страховка), даты выставки и встречи с благодарными посетителями, которым в свою очередь нужно объяснять, что тут unusual, и сколько эта картина будет стоить через десять лет. В нем же указывается, в каком помещении и на какой стене будет висеть картина, и даже процент стоимости (притом немалый — галереи дерут 50 % и более) от продажи картин, идущий хозяину галереи. И когда бумага подписана, можно неспеша заниматься окантовкой картин.

В данном случае разговор принял совсем другой оборот.

— How're you doing, Mr. Shteynberg? Это миссис Бани из «Forward». Вы знаете bookstore

«Forward»? Конечно, конечно. Кто его не знает? Считайте, что вам очень повезло. Мне порекомендовали устроить вашу выставку в нашем магазине. Сколько картин вы можете предложить?

— Все зависит от вашего помещения. Могу и 10, могу и 60.

— Не разгоняйтесь. Помещений мы вам не дадим, — они для книг, мы вам дадим стены. Я думаю, что двадцать картин будет достаточно. Сегодня пятница. Если вы завтра привезете картины и развесите, я думаю, что в воскресенье мы устроим вернисаж.

— Так быстро? А как же договор?

— Все на месте. Только приезжайте в восемь сорок р. т. (то-есть вечера).

— Почему так поздно?

— Мы же хоть и самый большой, но магазин, и мы не можем сворачивать торговлю из-за вашей выставки. В девять мы закрываемся, и вы можете развешивать картины, сколько вам будет угодно. Берите с собой инструменты, так как помощников для вас у меня нет.

Мы с супругой кое-как загрузили двадцать картин в наш Buick Century, прихватили молотки, гвозди, отвертки, шурупы, стандартные крючки, витуую проволоку (в американских галереях не разрешают подвешивать картины на веревках) и

отправились в это ночное путешествие по 95-й дороге.

Сейчас мы уже покинули highway и направлялись к центру. Мы остановились возле скверика, чтобы проверить, что с картинами все в порядке, что все стекла на них уцелели после тряски на выезде к highway. В скверике царило оживление. В это время подъехало несколько VEN-ов из ресторанов. После закрытия таких заведений, как правило, оставшиеся блюда не выбрасывают, а привозят к этому месту и раздают homelesses (бездомным). Не каждый день им приходится вкушать изысканные блюда итальянской, китайской и французской кухни. Они даже не то что не слышали таких названий, но и выговорить их бы не смогли: всякие стью-стейк, карбонат по-фламандски, турнедо, брандеда, спаржа а ля фонтенель, фрикасе, или же из азиатских меню: дим-сам, чой-сум, креветки кунь-по, сукияки и, конечно же, суши.

Поэтому homelesses оттащили в сторону свои тележки с вонючим скарбом и чинно выстроились в очередь как организованные граждане. Каждому вручались блюда на бумажных тарелках и бутылки содовой. Они располагались тут же на низком парапете ограждающем скверик. Некоторые из них уже доставали спиртное, тщательно завернутое в бумажные кульки. Закон нужно уважать — носить в

открытую бутылки со спиртным, а тем более пить из них на улице, запрещено. В кульках — можно. Некоторые уже были в крайне веселом состоянии. Один из них откровенно мочился на ящик для писем. Его подруга, крайне недовольная его неджентльменским поступком, громогласно отчитывала его всякими словами, из которых самым приличным было слово *shit*.

Подъехали полицейские. Чтобы не стать участниками конфликта, мы быстро покинули это место и выехали на Walnut Street. Вечером контингент прохожих значительно отличался от дневного — исчезли клерки в пиджаках и галстуках с папками в руках и помощники lawyers (юристов всех типов) с тележками, наполненными тяжелыми неподъемными томами. Многие рестораны, бары и магазины уже закрылись. Центр развлечений переместился в богемный район на South Street. На тротуарах устраивались на ночлег прямо на крышках люков теплотрассы, из-под которых вырывались клубы пара, уже поужинавшие homelesses. Они закутывались в тряпки и одеяла — было довольно холодно. Редкие прохожие шарахались от молодых людей в куртках с капюшонами, опущенными на глаза. В общем, шла обычная вечерняя жизнь.

Машины бесконечными двумя рядами были припаркованы к бровкам тротуаров. Мы подъехали

к «Forward», оставили машину на флешах (сигнальных огнях) и вошли в магазин. Секьюрити нас предупредил, что они через 15 минут закрываются. Мы выяснили, где сидит миссис Бани и прошли в ее маленький кабинетик с компьютером и стопками книг на столе и на полу. Мадам Бани оказалась весьма активной дамой, меньше всего похожей на зайчика (bunny — зайчик). На ней была миниюбка и длинный пиджак, из под которого эта юбка была еле видна, что давало возможность любоваться полными ногами. Она была типичной business woman и обладала убедительным бюстом и кипучей энергией. Естественно, первое, что она нам сообщила, было то, что она hard working (тяжело работает). К этой дежурной фразе всех клерков мы уже привыкли.

— На меня навалили все основные работы по магазину: и связь с издательствами, и реклама, и менеджмент, и авторы, и пиар, и покупатели, и salesmen, и securitis (и продавцы и охрана). А теперь еще и выставки...

Из ее дальнейшей эмоциональной скороговорки мы поняли, что без нее население Филадельфии не только бы перестало покупать и читать книги, но и погрузилось бы в поголовную неграмотность. При этом она так активно наступала на меня своим бюстом, что можно было почувствовать, что это ее основное оружие в борьбе

с неграмотностью. Слегка увернувшись, я перегнулся через стол и заглянул на дисплей компьютера занятой дамы. На нем спокойно располагался пасьянс «Spider soliter».

— Где ваши картины?

— В машине, миссис Бани.

— Я не missis, а miss! А где машина?

— Стоит у входа на флешах. Сейчас будем разгружать.

— Are you crazy? (Вы что, с ума сошли?). Ни в коем случае. У нас могут быть большие проблемы. Если каждый тут начнет разгружаться, по Walnut

Street вообще не проедешь. Поезжайте в хозяйственный проезд между Walnut и Sansom. Я вам открою заднюю дверь и вы разгрузите картины. Дверь вы легко узнаете — она большая двухстворчатая, обитая железом, и над ней сайн нашего магазина. Потом запаркуете машину на паркинге на Walnut и 17-й, или 18-й, или 19-й.

Описав две извилистые восьмерки, так как движение в центре одностороннее, мы наконец попали в хозяйственный проезд, пробрались между мусорными баками и прочим хламом и стали у дверей. Дверь мы нашли легко, но она была заперта. Мобильного телефона у меня не было, и я побежал назад к магазину. Стеклопанная дверь в магазин была уже тоже заперта. Я начал стучать. Никакого эффекта. Я нашел какую-то палку и начал колотить по раме. И тут я почувствовал, что кто-то хлопает меня по плечу. Я обернулся и увидел двух полисменов и полицейскую машину. Этого мне еще не хватало!

— How are you, sir! Я понимаю, что вам очень хочется читать, но может быть вы обождете до завтра (он был не лишен чувства юмора). В первый раз вижу, чтобы человек ночью рвался в букстор. Вы же видите, что магазин закрыт. Ваше айди! (документы).

— Документы в машине с другой стороны магазина. Я художник — привез картины на выставку.

— Тогда вы очевидно не в ту дверь колотите. Это в Ньюмен-геллери через два дома. Но там тоже уже никого нет.

Я попробовал объяснить, что произошло. Я дрожал как осиновый лист, так как выскочил из машины без куртки. Он позвонил в магазин, появился охранник и открыл мне дверь. Мадам Бани сидела на месте, как ни в чем не бывало и энергично сражалась с пасьянсом на компьютере.

— Где же ваши картины?

— Так вы же не открыли нам задние двери, как обещали.

— Фрэнк, — прокричала она, — ты что, не открыл двери? Он очевидно забыл. Идите к машине — а мы вам откроем.

— Нет уж, идемте вместе с вами открывать.

— А я не знаю, как они открываются. Найдите Фрэнка — он вам откроет.

— А как же договор?

— Занесете картины, подходите ко мне — я немного разгрузусь, все подготовлю и мы его составим.

Наконец двери были открыты, перепуганная супруга, сидевшая в машине, долго рассматривала нас через стекло прежде чем открыть дверцу.

Картины внесли, я отогрелся и опять пошел к мадам Бани.

— Вы обещали подготовить документы для договора.

Она вытащила из ящика готовый бланк.

— Это договор. Впишите свою фамилию и подпишите.

Я взглянул на несколько хилых пунктов и спросил:

— А где же условия, где перечень картин и стоимость?

— А вы его приложите к договору — сядьте да напишите. Вот бумага.

— Спасибо. Список у меня есть. А как насчет страховки?

— Ничего мы никогда не страхуем и не будем страховать. Никто ваши картины не украдет. Don't worry! А если вы так переживаете, я дам вам стикеры для автомата на входе. Сколько у вас картин? Двадцать? Вот вам двадцать стикеров. Если кто-то возьмет вашу картину, то его задержат на входе — автомат начнет звонить.

— А картины вы смотреть не будете?

— Сейчас я занята. Потом, когда вы их развесите. Я вам дам одну стену на первом этаже, лестницу и стену кафетерия на втором. У меня тут еще один ночной посетитель — художник, профессор из университета. Он будет монтировать

свою инсталляцию в вестибюле. С этими инсталляциями нужен глаз да глаз. Неизвестно, что он еще сделает со стеной. И опять все на мне, — и она с удвоенным энтузиазмом бросилась сражаться с пасьянсом.

Гараж я искал долго. Они закрывались кто в десять, кто в одиннадцать. Наконец я поставил машину. Супруга, дежурившая у входа внутри магазина, открыла мне дверь, мы развесили картины, нещадно вбивая гвозди в стены, так как я понял, что мадам это не волнует, наклеили лейбы и стикеры и позвали мисс Бани. Она выдала нам дежурную порцию восторгов: wonderful, beautiful, magnificent.

— Ух ты, какая пирамида! Это для египетских фараонов?

— Нет, Это для филадельфийских евреев.

— Really (в самом деле)? Их что, в ней хоронят?

— Нет, они здесь молятся. Это синагога Фрэнк Ллойд Райта.

— Really! А разве Райт был еврей?

— Да, только временно, когда проектировал синагогу.

— Really? И ему временно сделали обрезание?

— О таких подробностях пресса умалчивает.

— А вот эта веселенькая картина мне нравится. Очень симпатичные клоуны!